

Наиболее обстоятельно мысль о том, что все лучшие книги должны быть переведены на русский язык, изложил А. Ф. Хрущев в предисловии к своему переводу 1719 г. «Утешения духовного» Фомы Кемпийского. «Три причины принудили меня переводить сию книгу следования Иисуса Христа на наш язык. Первая причина: должность моя служить отечеству, потому что всяк человек родится не ради самого себе, но в ползу и на службу всем. Другая причина, что сия книга не толко переведена на все языки европейских (на аглинский, французский, италианский, гишпанский, немецкий, галанский, швецкий), но и варвары на своем языке имеют и почитают лучше всех своих книг духовных. <...> Когда варвары такую христианскую книгу имеют, почто нам, христианом, не иметь? Вместо того, что варвары оную книгу чтут, хранят и почитают, мы, христиане, ее мало знаем или и подлинно не знаем, и на нашем языке не имеем; хотя, может быть, и есть, толко я воистинну никогда не видал ни писменной, ни печатной. Третья причина следует из первых двух, что видя оную книгу, всякому христианину полезную на всех языках и во всех верах, не хотел быти рабом непотребным и скрыти в землю данной мне талант от бога, но похотел употребить его в ползу всем людем и видеть сию книгу на нашем славенороссийском языке».¹¹

Высказанные А. Ф. Хрущевым мысли встречаются и в других предисловиях, а то обстоятельство, что наиболее четко они сформулированы в предисловии к мистическому трактату, т. е. произведению, не относящемуся к основной проблематике переводной литературы петровского времени, свидетельствует лишь о твердо сложившейся новой концепции труда переводчика.¹² Даже в области душеполезной литературы творчество по внутреннему убеждению сменяется «службой отечеству», которую характеризуют «ревность» о переводе книг, имеющих у «многих народов», и убеждение в достоинстве и культурном престиже русского языка. Хотя последнее положение и не приняло формы «защиты и прославления природного славенороссийского языка», чем позднее стало предисловие к «Грамматике» М. В. Ломоносова, переводчикам на практике приходилось доказывать его же теоретическое положение о «возможности все переводить на язык российский». Принципиально новая проблематика перевода сказалась, естественно, и на развитии теоретической мысли, однако в существующих очерках развития принципов перевода в России от начала письменности до XX в. петровской эпохе явно не повезло: обзор древнерусских теорий завершается концом XVII в., а историю эволюции принципов перевода XVIII—XX вв. открывают имена А. Кантемира и В. К. Тредиаков-

¹¹ ГПБ, Соловецкое собр., № 1130/1240, л. 2—3 об.

¹² Ср.: Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. — В кн.: XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974, с. 112—128.